

ଭାରତୀୟ କଳା

ଭାରତୀୟ
କଳା
ର
ଇତିହାସ
ଏବଂ
କଳାକାରଙ୍କ
ପ୍ରତିଭା

୧୯୦୭

କଟକ
ଓଡ଼ିଶା

ଭାରତୀୟ
କଳା
ର
ଇତିହାସ
ଏବଂ
କଳାକାରଙ୍କ
ପ୍ରତିଭା

୧୯୦୭/୧୯୧୧

ЧЕРТИКЪ *).

Домъ Дивилиныхъ у рѣки. Старый, сѣрый, лупленный. Всякая собака знаетъ.

Дверь въ дому съ приступками узкая, сѣрая, глухая—ни скважинки, ни щелинки,—и для ключа никакой дырки не видно. Въ ночную пору не достучаться. Да и кому въ ночную пору стучаться?—развѣ бы вору?—вору-то, положимъ, и не къ чему, онъ и безъ дверей залѣзетъ, на то онъ и воръ. А вотъ если бы случай, надобность какая-нибудь важная... Ну, ужъ не обезсудь—звонка не водится. Одно время на двери висѣла записочка: „ходъ въ окошко“.

Плутня ли тутъ чья или такъ ужъ надо было по случаю какой передѣлки,—дѣйствительно въ ту пору поблизости околачивались маляры. Но отъ этого не легче. Ты сунься-ка, попробуй!—окно-то вона гдѣ: сколько ни скачи, не доскачешь, только жилу себѣ вытянешь. Оно если бы съ тумбы или съ фонаря... Да тумба-то на грѣхъ кривая: ѣхалъ какъ-то ломовикъ, зазѣвался, зацѣпилъ за тумбу, тумбу и своротило, такъ съ тѣхъ поръ кривой и осталась. А съ фонаремъ тоже радость не ахти какая. Если бы хоть чуточку поближе, а то ишь угодили куда—совсѣмъ наискосокъ къ рѣкѣ. Это пока-то полѣзешь да приноровишься—да и лезать не стоитъ: пустое! Ну, да что, съ улицы не подступиться.

Вотъ черезъ заборъ развѣ съ набережной махнуть?—костыли помѣха: другой попадетъ тебѣ толще пальца, вотъ этакій, а востроты—игла тупѣй. Его, братъ, не перещеголяешь!

Если ткнуться въ ворота... если ткнешься въ ворота, прямо передъ тобой будетъ на дворѣ огромный сарай; когда-то ходилъ сарай подъ извозчика, а теперь только конскій духъ остался, навозцемъ, да и тотъ продыхается. Доберешься до сарая, поверни на лѣвую руку и иди напрямикъ до собачьей конурки—собаки въ конуркѣ никакой нѣтъ, была одна, Бѣлкой звали, да подохла, такъ что и побрехать некому. А отъ конурки опять поверни на лѣвую руку и упрешься прямо въ дверь. Дверь обита замуслеванной клеенкой и на блокѣ. Отворить ты ее, конечно, безъ труда отворишь, хитрости тутъ никакой нѣтъ, и пойдешь по корридорчику, наспотыкаешься вдоволь, и уткнешься, наконецъ, въ другую дверь. Тутъ-то тебѣ и ожидай. Пока

*) 1-я премія на конкурсѣ „Золотого Руна“ по отдѣлу художественной прозы.

не лопнетъ терпѣніе—все равно бѣзъ толку—плюнешь и пойдешь.

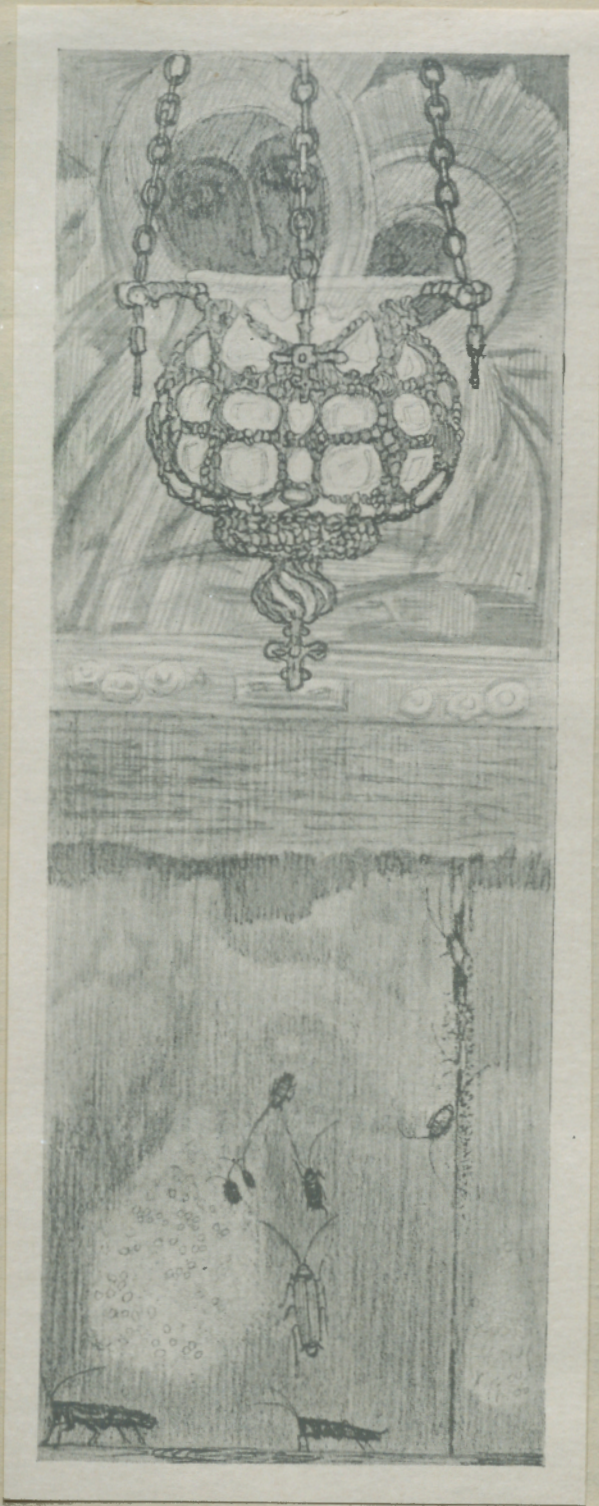
Вотъ какъ законопачивались люди!

Улица узкая, пустынная: по утрамъ водовозъ, вечерами отходники—вотъ и все движеніе.

А въ дому живутъ. Но что въ домѣ дѣлается ни одной душѣ не открыто.

* * *

Старикъ Дивилинъ въ большой чести былъ, представлялся за юрода. Хоть и жилъ затворникомъ, а нѣтъ-нѣтъ, да и показывался. Ходилъ онъ подъ кличкой утопленника. Какъ-то еще вскорѣ послѣ женитьбы попалъ онъ на Крещенье въ прорубь и утонулъ. Стали искать, зацѣпили багромъ, на багрѣ и вытащили, подняли потомъ на руки и откачали. Съ тѣхъ поръ и пошло: утопленникъ да утопленникъ, и вся тутъ. Съ тѣхъ поръ и пошло: пить очень сталъ. Стукнетъ этотъ нелегкій часъ,—ментально всю одежду съ себя на полъ, да какъ есть, въ чемъ мать родила, прямо на улицу. Дождь ли, слякоть ли, морозъ ли трескучій или вьюга,—проходи мимо: никакого вниманія. И всѣ ему въ ту пору раками представлялись, а самъ онъ будто ракъ наиглавнѣйшій, въ родѣ какъ бы ихняя matka рачья. Вытянетъ руки, растопыритъ пальцы клешней и ловить. Кто бы ему ни попался, всякаго словить. И идетъ прямо на базаръ и тамъ первымъ дѣломъ за лошадей беретъ. Бьетъ во всѣ кулаки скотину, лупитъ ее по мордѣ, пока изъ силъ не выбьется, да гдѣ-нибудь у стойла тутъ же и притихнетъ. Лежитъ подъ рогожей неподвижно, какъ мертвецъ, глаза открыты огромные безъ бѣлковъ и выпучены—

* * *

Дѣтская—на половинѣ Бориса. Послѣ смерти старика всѣ книги пошли на подтопку, и въ домѣ не осталось ни одной завалящей книжки. Исчезновеніе Бориса приписывалось книгамъ.

— Все отъ книжки,—говорила Яга,—книжки отъ дьявола, и водить въ домѣ погань—только его тѣшить, да и пыль заводится.

И тамъ, гдѣ раньше не было ни уголка не заставленного, въ пустой комнатѣ проводила Нина всѣ свои дни. Только и ждала что Дениску. Дениска возвращался изъ гимназіи съ опозданіемъ: то оставятъ, то такъ прошляется съ мальчишками.

Разсказывалъ онъ Нинѣ страшныя и чудныя исторіи, и Нина любила ихъ слушать. Сама просилась, чтобы разсказывалъ.

Всякую исторію, всякое ухарство принимала она съ болью. Она хорошо знала: удѣлъ ея сидѣть вотъ тутъ, вотъ такъ, и бѣльшаго нѣтъ для нея и не можетъ быть до гробовой доски. Она бередила себя, поддразнивала, слушая разказы и представляя себѣ эти ухарства, на которыя и она когда-то была готова. Глядя куда-то подъ потолокъ, какъ горбатая, хохотала, захлебывалась, такъ громко, какъ только могла хохотать. И глазенки горѣли со смѣхомъ и слезами, и вся она подпрыгивала, и костыли за спиной прыгали.

— Денька, миленькій, Денька, еще что-нибудь!..

Дениска взялся было за карандашъ—замахнулся какого-то чудищу изображать...

— Денька, про дятла!—стучитъ кулакомъ Нина, и брови у ней сходятся: не то заплачетъ, не то ударитъ костылемъ. И начинается сказка про дятла.

Сказка всѣмъ извѣстная, какъ кормила и поила собака мужика и бабу и какъ выгнали собаку за старостью лѣтъ со двора, и какъ очутилась собака въ такомъ скверномъ положеніи, что хоть ложись да помирай.

— И вотъ придумала собака идти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами,—Дениска вытягиваетъ губы и такъ скашиваетъ лукаво глазенки, будто ужъ мышку ловить,—и пошла она въ поле, увидѣлъ ее дятель и взялъ къ себѣ въ товарищи...

Тутъ начинаются собачьи похождения.

Долгая сказка, жестокая. Разсказываетъ ее Дениска съ азартомъ, словно бы собачья и дятлова участь были его участью. Накормилъ дятель собаку и напоилъ по горло.

— „Я теперъ и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!“— „Ладно“,—отвѣчаетъ дятель. Вотъ увидѣли они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятель тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ, а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить дятла, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ, такъ и катается...

ла я петлю, сняла съ шейки, надѣла на себя, будто играюсь, а дѣвочка ужъ улыбается и смѣется и въ ладошки хлопаетъ, младенецъ маленькій. Прости меня, Господи!

— А если бы теперь—?—спросилъ тараканщикъ, и глаза его остановились.

Глафира ринулась, хищныя ноздри раздулись, какъ у кобылы.

Достойно есть величати тя, Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ,
Дѣву Пречистую, Богородицу.

затянулъ тараканщикъ и, круто обернувшись къ Глафирѣ, ударилъ ее по лицу своей ременной лестовкой.

Не пошевелилась, только струйка крови мелькнула на Ягиномъ смертельно-блѣдномъ лицѣ.

— А если мы не достойны Его увидѣть?—шопотомъ спросилъ тараканщикъ и вдругъ закричалъ громкимъ голосомъ, вперяясь глазами въ красный огонекъ лампадки:—заклинаю тебя Богомъ живымъ, Святою Троицей, Матерью Божьей, стань тутъ, Сатана, стань!—стань! стань!—

Тяжкое молчаніе. Невыносимое. Хватаетъ за горло. Душить.

— Ой, холодно!—вскрикнула Яга и упала замертво; звѣздочкой сверкнула лестовка по полу.

Тараканщикъ, сжимая кулаки, страшнымъ глазомъ обвелъ комнату, встрѣтился съ глазами старухи—глаза старухи голубые вспыхнули голубымъ огонькомъ, она согнулась вся, казалось, бросится на него, вопьется въ горло и пить бу-

детъ его кровь, какъ пилъ бы его кровь самъ Дьяволъ. Тараканщикъ выхватилъ изъ рукъ бѣлую жемчужную лестовку—и, пошатнувшись, съ головы до ногъ дрогнулъ.

На иконѣ „Трехъ Радостей“ тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ жемчужной рубашечкой Младенца, у благословляющихъ рукъ Младенца торчалъ на бѣломъ черненькій чертикъ, растопыривая тощія ножки и егозя мышинимъ вертлявымъ хвостикомъ.

И оно наступало. Занавѣски и расшитыя полотенца на иконахъ текли длинными черными струями, огонекъ лампадки надувался. Оно наступало.

Старуха улыбалась... Голубые глаза вспыхивали голубымъ огонькомъ.

Тараканщикъ стучалъ зубами, они были чужіе ему, холодные, какъ ледъ. Глаза застилало. Спирало дыханіе. Оно шло вѣрно и быстро, подходило, подкатывалось къ сердцу, трясло изо всей мочи, какъ никогда еще ни тамъ дома съ наглухо запертой дверью надъ полыми предметами и стаканами, ни тамъ въ звѣринцѣ, ни тамъ на улицѣ, ни тамъ—ни тамъ—И вдругъ ударило и ошеломило.

Бросился къ иконѣ и, размахивая и крутя въ воздухѣ жемчужной лестовкой, нечеловѣчески подпрыгнулъ и прыгалъ и прыгалъ, доставалъ Ее, бѣлую, срывалъ бѣлыя одежды и хлесталъ и хлесталъ по ней.

Достойно есть величати Тя, Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ,
Дѣву Пречистую, Богородицу.

А чернѣй чертикъ на уцѣлѣвшей жемчужинѣ у младенца тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ рубашечкой, зацѣпившись хвостикомъ, непобѣдимый, егозилъ, растопыривая тощія ножки.

Градомъ катился жемчугъ, обсыпалъ тараканщика, колотъ глаза. Разлетались жемчужины, прыгали по полу, плясали по Ягѣ, голубымъ огонькомъ горѣли въ глазахъ старухи.

И глухой собачій вой разрѣзалъ ночь, ночь и комнату, будто тысячи собакъ выли и грызлись, отнимая другъ у друга единственную сладкую кость—

Такъ— — —

Старуха улыбалась.

* * *

Дениска, уткнувшись въ подушку, захлебывался отъ хохота.

— Онъ!—пищалъ Дениска, не говорилъ ужъ.

— Онъ,—повторяла горячими губами Нина, прижимаясь калѣчнымъ тѣломъ къ желѣзной груди Дениски.

И бѣсившіеся вопли изъ низу и какой-то дѣвичій, будто изъ земли, изъ крови выходящій крикъ не тревожили хохота, не смущали горячихъ дѣтскихъ и первыхъ объятій.

— Онъ.

— Онъ.

— Такъ и заснули.

Крѣпкій сонъ залегъ въ дѣтской.

Спали рожицы и хвостики по стѣнамъ, спали пустыя полки, спали карандаши и гуммиластики и кусочки снимки, оставшейся отъ чертика, какъ спали въ непробудномъ снѣ непроницаемая сѣрая стѣна дома.

И одинъ безымянный сторожилъ сонъ спящихъ дѣтей.

Онъ стоялъ на площадкѣ, пріотворялъ дверь, чуть высывался и тихонько на цыпочкахъ подходилъ къ кроватямъ.

Нина и Дениска, перевертываясь на другой бокъ, открываютъ свои сонные глаза подъ огромными, сверлящими огонькомъ, острыми глазами.

Такой, какъ Амазонъ на картинкѣ у бабиньки, только голова, будто не на шеѣ—на винтѣ, все поворачивается, не находитъ она себѣ мѣста, все поворачивается.

Длинные тонкія губы отвратительныя.

— Онъ.

— Онъ.

Ужъ сѣрѣтъ разсвѣтъ, встаетъ сѣрый тамъ за окномъ. Тамъ за окномъ лежитъ рѣка, покрытая сѣрымъ сколотымъ льдомъ. Дымъ клубится надъ городомъ изъ теплыхъ трубъ. Спозаранку топятся печи ради послѣдняго дня—прощенаго воскресенья.

А. М. Ремизовъ.

